

Москва, почтовый адрес, центр. Точка опоры. После житья в бараке этого казалось достаточно для счастья, хотя пришлось тесниться: четыре семьи в четырехкомнатной квартире. Спасибо — и ванна, и телефон. Правда, комната наша проходная, больше десяти лет ходила через нас семья из пяти человек. По пожарным условиям, отгораживаться нельзя: висел фанерный лист, личико сына из-под него выглядывало: «Мама-а!» А я в пятиметровой кухне варила что-нибудь, одна конфорка на семью... Гнездимся, суемтисся, мебелишку переставляем для выгоды места. Муж давно смирился, только демонстративно поворачивался к стене лицом, когда земляки мои являлись и располагались на ночьлег — кто гостевать, а кто поступать в институт. Старалась не видеть недовольства мужа. Виновата была, конечно, но отводила взор от безысходности.

Один раз просыпаюсь от тяжелого дыхания над ухом, открываю глаза — собачья морда. Ой! Глядь, а рядом еще одна. А за ними — знакомое лицо подруги детства и мужчина в военной форме.

— Лина!
— Узнала?.. Переводимся поближе к дому. А собаки — это ж охотничьи! Их не бросишь, члены семьи...

— Сидеть! — буркнул Линин муж. Собаки с шумом упали животами на пол, вывесив мокрые языки.

— Ага! По коням! — я стала надевать халат, вступая в бой с очередным гостевым сюрпризом. Раскрутились, поумывались, накрыли на стол.

Муж, «Штирлиц», долго лежал к стене лицом, пока не лайкнула на него собака. Тут уж он не выдержал — не смог, так, до самозабвения, любил собак. Кашлянул, поздоровался с гостями — те ничуть не смутились, будто не они, а мы к ним нагрянули без предупреждения. Погладил собаку, тут же подставила бочок другая, так и разрядилась атмосфера.

Зажили с неделю — нас четверо, их двое и собаки. Соседи сперва губы трубочкой, молча перешагивали через неуправляемых зверюшек, потом так влюбились, так утеплиться их жизнь, что не хотели расставаться.

А теперь жилищная увеличивается, а гостей — нема. Может, потому, что гости тоже устроили свою жизнь, осели. А дети наши? Где же их гости? Не знаю, что это...

Конечно же, наезжала к нам и мама — то в барак, то, потом, в коммуналку. И пришлось ей дважды испугаться за меня так, как теперь уже бояться разучились...

Первый раз — в дни премьеры фильма «Чужой родня».

Поторжествовала она в Доме кино, где на двух сеансах было народу битком, да вскоре и расплата пришла. Едва не теряя сознание, мама встретила меня дома:

— Ой, дочка, что ж теперь будет?!
— Что, мама? — снимаю плащ, спросила я.
— Пропали мы! Ой, пропали!
— Да что случилось-то?

— В «Советской культуре» какой-то Юрэнв написал, что ты сыграла не комсомолку, а кулачку!

— В «Чужой родня»?

— Вот, одноглазенькая занесла газету. (Это она так окрестила бывшую учительницу, теперь пенсионерку, большую толстую еврейку с бельмом на глазу).

— Мама, да что ты?! Так бывает. Критикуют нашу работу: то хвалят, то ругают.

Мама присела на стул — ноги ее плохо держали — и убежденно сказала:

— Это ж газета! Да еще московская. Зря не напишут... Где он там увидел кулачку? Такая комсомолочка, красавица. Ну, батенько, конечно, хотел свернуть, а не свернул!

Рукопись предоставлена журналом «Октябрь», публикующим рассказы Нонны Мордюковой в четвертом номере.

Рассмеялась я, обняла маму, успокоила, как она меня в детстве. Слышим, грохнула дверь — ворвалась «одноглазенькая» Вера Григорьевна и давай ругать критика Юрэнва.

Вообще-то она была настоящим мучителем соседей. Она так шутила и острела, что мы вечно ползком ползали от ее хохм. Научительствовала, а теперь разлюли-малина — вольная пенсионерка!

К примеру, ее дочь Лиза все сидела согнувшись в конструкторском бюро чертежницей. Там их таких было много — двести человек. Вера Григорьевна сокрушалась оттого, что дочка никак замуж не выйдет. Однажды сослуживец пришел с шампанским. Сидим у них: я с сыном на коленях, Лиза, дочь, Вера Григорьевна. Напротив нее «жених» и подруга моя. Вера Григорьевна всегда на колени скатерть клала — ноги у нее не сходились от сильной полноты. А так расставит ноги врозь — и порядок. «Жених» с надутыми венами опустил под стол бутылку шампанского, чтоб в случае чего нас не обрызгать. И надо же! Пробка стрельнула под юбку, между ног Веры Григорьевны. Она крикнула, упала на спину поперек тахты и разразилась

НОННА
МОРДЮКОВА

таким «красноречием», что мы чуть не полопались от смеха.

Жили они скромно. Какие там деньги. Все на книги тратили да читали запоем. Разве так замуж выйдет. Меня любили.

Была у них брошь с изумрудным камушком.

— Нонк! Надень брошь...

Это если я шла куда-нибудь в важное место...

Отвлеклась — ну, ничего! На хорошего человека.

Так вот, значит, мама приехала. Наташка в восьмом классе, сын еще маленький. Я на репетиции. Муж где-то в киноэкспедиции. Борщ кипит, белье полощется. Мама крутится, ждет к обеду. Глядь — машина важная черная подъезжает. Выходит дяденька и, узнав, что меня нет, отдает маме конверт для передачи. Та закаменела, глядя на нестандартный конверт с вышечкой в уголке.

...Где виноватые? Что будет... Кому письмо? Нонке...

Опять вижу маму ни живую ни мертвую.

— Что?

— Ой, дочка, письмо... Важное. Ты глянь, какое важное...

Беру конверт, как гремучую змею, нюхаю. Ничем не пахнет. Извлекаю лист с такой же на уголке башенкой, как на конверте. «Нонна, дорогая, зачем ты сделала вид, что не заметила меня...»

— Собачьи души проклятые! Ну, Вера Григорьевна! Дура одна лезит и лезит за мною по пятам.

— Вот сука! — охотно включается соседка.

— Да, может, она и хорошая... Но мне на дух не нужна. Дочка замминистра угольной промышленности. Не бойся, мама! Ей моча в голову вдарила — дружить! И на спектакль ходит, и на улице перестреляет.

— Так это ж хорошо, что дружить... Люди уважают, значит, — говорит мама.

— Ой, мама! Если я актриса, то со всеми должна дружить? Я ж тоже человек — кто-то и не по вкусу.

— Потерпи. Пускай. Человек походит, походит, да и перестанет.

— Эх, тут написано: на дачу, в гости в субботу. Машина придет. На какую дачу... На черта они мне сдались!..

Мама надолго замолчала, взяв в руки письмо. И, как прежде, нашла лучезарный, верный вариант:

— А съезди, доченька, чего на рожон лезть. Сыночка возьми и прокатитесь.

Я не ответила — мне всегда претила людская навязчивость. Мама положила руку мне на плечо и убедительно сказала:

— Съезди, дочка. Так будет лучше.

Утречком спускаемся с сыном к машине, а мама и Вера Григорьевна на кухне давят лбами оконное стекло. Наблюдают.

— О, Зоя! Мам! — повернулась я на окно. — Зоя Холщевникова! Чемпион мира! Коньки! Радость-то какая! Зоя здесь, а Эли нет!..

Залазим в машину. Кинула взгляд на окно. Вера Григорьевна, дыма «Беломором», послала воздушный поцелуй, а мама ничего.

— Поехали, — тихо приказала Зоя шоферу. Она села с ним рядом.

Машина мягко взяла с места, и Зоя заговорила:

— Ну что, удивилась?

— Конечно, удивилась.

— Вот попросили. Да не бойся, не покусает. Я с ней давно дружу.

ПО КОНЯМ!

Машина шикарная. Мелькает Подмоскovie: лес, поляны — красота! «До чего ж богато, до чего ж прекрасно!» Мчимся, перебарываемся с Зоей пустыми фразами — она скорее подруга мужа, а не моя. Он был спортивным фанатиком, таблички футбольные заполнял. Велел болеть за «Спартак», а я заболела «Торпедо», потому что когда знакомились с игрой в футбол, «Торпедо» действовало, как объяснял муж, и выиграло. С тех пор я болела за «Спартак», только чтоб не скисал муж, а втайне, конечно, — «Торпедо».

Сын заскучал — укачало немного. Я взяла его на руки, прижала к груди. Глазки закрыл.

Едем. Наглядеться не могу, как косит наша косилка — и машины в сторону, и люди. Мчимся себе без задержек. Влетаем в зону прохлады, запахов сосны и сена. Летний день еще в разгаре. Какие мы с сыном важные — отдельно едем, одни!

Вот и дача. Зоя вышла открывать ворота.

Как стыдно с Элей встречаться. Надо было с ней повежливей... А может, ее не будет. Хоть бы не было! Но куда там! С бильярдным кием в руке прыгает через клумбы Эля в синих брюках, как я узнала через несколько лет, это были джинсы. Голова по-испански повязана цветной косынкой.

— Доехали? Чудно! Выгружайтесь.

Я, как за соломинку, цепляюсь за Зою — она попроще и познакоме.

— Идите во-он по той тропе. Зоя, проводи, а я сейчас...

Сын оживился, побежал к стогу, а мы с Зоей пошли следом.

— Чего ты скукожилась? Они хорошие, — подбадривала Зоя. — Тут и комнат уйма, и на всем готовом. Я люблю сюда ездить.

— Я?! Ты что! Мне нравится, — я вздохнула полной грудью и блаженно посмотрела в даль, где застыли крыльи старой мельницы. Вот это да! Я и представить себе не могла, что тут такая красота. Сердце запело!

Вот и Эля бежит, за нею девочка лет пяти-шести.

— Дочка ее, — поясняет Зоя.

Выражение лица у девочки, как у старой тетки-экскурсовода. Без обаяния. Она оглядела меня с ног до головы, по-хозяйски.

— Нравится вам у нас? — Эля повела вокруг рукой.

Я кивнула, едва удержавшись от возражений против слов «у нас». У кого — у в а с ? Разве копны и мельница, и запахи — это все ваше? Это же все ничье, а значит, общее... Когда масовка какого-нибудь производства вываливается из автобуса, чтоб подышать и отдохнуть, они не думают, чей это праздник — видеть природу. Это общая красота, общая радость. Так и я восприняла комфортную дорогу, нескончаемый пейзаж — как общую радость сегодняшнего дня. Это и Элино счастье, и Зоино, и мое. Сегодня такой день!

— Погуляем и закусим, — выложила свою программу Эля.

Закусим? Это здорово.

Сбежались наши дети, стали кувыряться в сене. Отлично! Сказка! Мы плюхнулись на теплую землю. Как хорошо, что Зоя помогала мне терпеть хозяйку. Погуляли, попереливали из пустого в порожнее и — к даче. Смотрю — сидя на корточках, подпирает дерево спиной мужчина средних лет, похожий на рабочего.

— Пришел, Николай?

Какой же он ей Николай? Пожилой мужик...

— Киномеханик, — пояснила Зоя. — Пообедаем и фильмы посмотрим.

Вот это да! Фильмы!

Сестра Эли, пухлая от жира, улыбнулась, поздоровалась. Господи, сестра какая-то несчастная... Чего ж они такие несчастные? Вроде поджидают чего-то. Некрасивые...

— Мойте руки, — не поднимая головы, пригласила женщина в фартуке с белой косынкой на голове.

— Спасибо, Катя, — как старой знакомой кивнула Зоя.

— Кто это? — шепчу.

— Повар.

— Повар! А мать есть?

— В Москве. Завтра к вечеру приедут с отцом.

— С министром?

— Чудачка! С министром, — засмеялась Зоя.

Ну, думаю, мы-то к вечеру ссыпемся отсюда...

Руки помыли, идем в столовую. Стол большой, а нам приготовлено с одного края. Занавески гуляют от ветерка. Паркет блестит, кругом диваны и маленькие столики.

Эля, так много охотившаяся за мной, не проявляет никакой радости. Будто я захлопнута ею в капкан — остальное неважно.

Стали угощать. Прибавилась еще одна женщина в фартуке и с белой косынкой на голове.

— Тоже повар?

— Нет. Это хозяйка дома.

— Хозяйка над кем?

— Дома.

— Расскажите лучше что-нибудь о кино. Вот и Лилия послушает, — кивнула Эля на свою дородную сестру. Улыбающаяся Лилия промокнула салфеткой рот.

На черта вы мне сдались, думаю, не портите мою радость... У меня не укладывалось пока, что первый в жизни такой

пикник — не общий. И разве можно дергать человека, отвлекая от любования столом, мебелью, паркетом, игрой занавесок. Какое кино?! Закуска разная, вкусная. Уплетаем с сыном, как за себя кидаем.

— Оставляйте, ребята, место, — тактично упрещает Эля. — Обед только начинается.

До моего сознания еще не успело дойти сказанное шепотом:

— Суп из форели, борщ куриный, бульон с клецками.

— Борщ!

— Хорошо.

Стали носить тарелочки небольшие. Я выросла среди рыбы, но в наших краях форель не водилась.

— Я хочу фюель, — захныкал сын.

Смех меня взял:

— Да ты знаешь, что такое «фюель»? Ты ее ел?

— Форель так форель, — улыбнулась Эля.

Поменяли сыну борщ на суп из форели. Девочка пропустила через себя тысячи соображений — изумилась свободой гостей. Наверное, тут бываю люди повежливее нас.

— А правду говорят, что в кино снимаются только жены режиссеров? — замахнулась Лилия на лучезарную беседу о кино.

— Не знаю. Мой муж такой же артист, как и я... Да, сынок? — куда угодно я нырнула лицом, чтоб только не видеть этих нарушителей блаженства — Элю и ее сестру Лилию.

Дальше обед прошел почти без слов. Сын побегал в кинотеатр, девочка за ним.

— А что, и правда, — допивая компот, завершила я, — пошли в кино. — Встала, пошла. Оглядела дом. Здоровенный. И вверху окна. Хорошо! Ноги чуть подкашиваются от воздуха и сытного обеда. Вот и кинозал. Тесно. Пахнет табаком. Стулья кое-где прорваны, и видна вата. Сели. Пошли кадры цветного шедевра Диснея...

Еще во время обеда Эля дважды подбегала к телефону с кратким «да, да, я так и сделаю...» Чувалось, что она что-то обещает такое, в чем мы тоже должны участвовать. Так не хотелось трогаться с дачи. Однако после обеда Эля повела нас через скошенную полянку.

— Маршал Уечко... — шепнула Зоя.

— Ой, зачем? Сейчас опять притеснять начнут насчет съемок в кино...

Звонок у калитки. Открывает пожилая женщина с водянистым лицом и вытаращенными бесцветными глазами. Она испуганная, просто-волосая. Миг замешательства. Потом Эля ладонью отстраняет служку и зовет нас войти на территорию, засеянную цветами.

— Что с тобой? — властно спросила Эля.

Женщина промолчала, провела ладонью по волосам.

Зоя спокойно рассчитывала ситуацию. Слышим — в даче идет возня: стуки, сопенье, удары. Стоим молча.

Наконец вылетает мужчина лет пятидесяти в голубой крахмальной рубашке и тренировочных штанах, красивый. На шее царяпини с сукровицей, пуговицы почти все оторваны с мясом. Сел на скамейку, не считаясь с гостями, запрокинул голову вверх. Следом выпрыгнул парень в тельняшке и шортах.

— Валера! Ты опять?! — жестко упрекнула Эля.

Валера подошел к бочке с водой и окунул голову; отдышавшись, ответил:

— Скотина! Я ему покажу!

— Не обращай внимания — сынок с папой выясняют отношения, — шепнула мне Зоя.

— С маршалом?

— Да. Маршаленок с маршалом.

Маршаленок привел в порядок волосы и протянул мне мокрую руку:

(Окончание на 14-й стр.)

Как молодые мы были... В. Иванов, И. Макарова, Н. Мордюкова, С. Гурзо, Б. Битюков кинофильме С. Герасимова, «Молодая гвардия» (1948 г.)